

СТЕПНАЯ МОДА

Вещи из гардероба древних кочевников

Настоящая статья продолжает серию публикаций уникальных результатов археологических раскопок погребений кочевников-хунну, проводимых российско-монгольской экспедицией в горах Ноин-ула на севере Монголии. В 2012 г. археологи исследовали курган № 22, в котором около 2 тыс. лет назад (в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э.) был захоронен высокопоставленный хунну. Хотя глубина могильной ямы этого погребального сооружения достигала 16 м, он был ограблен уже в древности. Однако в нем сохранилось большое количество оригинальных предметов, в том числе уникальных текстильных изделий, ставших источником важной информации по истории и культуре древних цивилизаций Центральной Азии, Китая и Ближнего Востока

Настоящая статья продолжает серию публикаций уникальных результатов археологических раскопок погребений кочевников-хунну, проводимых российско-монгольской экспедицией в горах Ноин-ула на севере Монголии. В 2012 г. археологи исследовали курган № 22, в котором около 2 тыс. лет назад (в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э.) был захоронен высокопоставленный хунну. Хотя глубина могильной ямы этого погребального сооружения достигала 16 м, он был ограблен уже в древности. Однако в нем сохранилось большое количество оригинальных предметов, в том числе уникальных текстильных изделий, ставших источником важной информации по истории и культуре древних цивилизаций Центральной Азии, Китая и Ближнего Востока

ПОЛОСЬМАК Наталья Викторовна – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). Лауреат Государственной премии РФ (2004), лауреат Национальной премии «Достояние поколений» (2006). Автор и соавтор более 150 научных работ

Н. В. ПОЛОСЬМАК

«На одежде в чрезвычайной мере отражается духовный стиль времени»
Павел Флоренский

Это был очередной скомканный сверток ткани, почти неразличимый из-за пропитавшей и затянувшей ее мокрой серо-синей глины, которую хунну использовали для заполнения пространства между стенками могильной ямы и деревянной погребальной камеры. За долгие годы эта мелкодисперсная глина, специально добытая из озера, просочилась между бревен погребального сооружения в коридоры и внутрь склепа, покрыв толстым слоем пол и все, что на нем находилось. Текстильный сверток лежал рядом с западной стенкой гроба, очень хорошо сохранившегося, если не считать сорванной грабителями крышки.

Когда в лаборатории новосибирского Института археологии и этнографии СО РАН этим свертком занялась реставратор и художник Е. В. Шумакова, то первое, что она отметила – очень хорошую сохранность ткани. Да, она была старой и грязной, но не ветхой. И по мере ее очищения ткань все больше и больше начинала «светиться» хотя и немного поблекшим, но все еще ярким, густым темно-красным цветом...

Благородный красный

Как было установлено в ходе аналитического исследования сотрудниками Института органической химии СО РАН (Новосибирск) В. И. Маматюк, Е. В. Карповой и В. Г. Васильевым, при окрашивании ткани из кургана хунну использовались сразу несколько видов красителей растительного и животного происхождения – *ализарин*, *пурпурин* и *лаккаиновые кислоты*.

Ткани, окрашенные несколькими красителями для получения желаемого цвета, ценились очень дорого. Источником самого экзотического красителя – лаккаиновой кислоты, служили *лаковые червецы*, насекомые из отряда

◀ Вид с юга на погребальную камеру 22-го кургана могильника Ноин-Ула (слева). Камера из внутреннего и внешнего срубов установлена на дне 16-метровой могильной ямы, на полу из деревянных плах. Между стенками ямы и стенками камеры поверх синей глины уложены камни. Деревянный гроб во внутренней погребальной камере оказался вскрытым грабителями. Российско-монгольская экспедиция, 2012 г.

Слева вверху: изображение этого согдийского каравана на пути в Китай было обнаружено на стенке каменного саркофага (вторая половина VI в., Северное Чжоу). Такие караваны шли по дорогам Западного края и во времена, когда эта территория находилась под контролем хунну. Только заручившись поддержкой кочевников, купцы могли рассчитывать на то, что их товары не будут разграблены. Прорисовка Е. Шумаковой

Ключевые слова: хунну, Ноин-ула, древняя одежда, шерстяной текстиль, Шелковый путь, реставрация ткани.
Key words: Xiongnu, Noin-Ula Mountains, ancient cloth, woolen textile, Silk Road, restoration of fabric

На шелковом покрытии гроба из 22-го ноин-улинского кургана был выложен ромбический орнамент (13×13 см) из деревянных пластин толщиной 4—5 мм и шириной 2 см, на которые приклеены полоски золотой фольги (справа). В центре ромбов располагались четырехлепестковые розетки, также сделанные из дерева, покрытого золотой фольгой. Пластины орнамента соединялись золотыми гвоздиками, вставлявшимися в специально сделанные отверстия; эти же гвоздики вставлялись в центры розеток. Ножки гвоздиков, выходящие на обратную сторону, загибались. Готовая сетка орнамента была приклеена на шелк (на обратной стороне розеток сохранились следы шелкового покрытия)

ПОД САКРАЛЬНЫМ ЧЕТЫРЕХЛИСТНИКОМ

Гроб, обнаруженный в 22-м ноин-улинском кургане, был сделан по китайской традиции из сосновых досок, соединявшихся с помощью бабочковидных закрепов. Боковые стенки дополнительно прикреплялись ко дну с помощью железных гвоздей, по шесть с каждой стороны. Украшением поверхности гроба служила шелковая ткань, поверх которой крепилась ромбическая сетка из плоских деревянных планок, покрытых толстой золотой фольгой. Внутри каждого ромба находилась четырехлепестковая розетка, также сделанная из дерева и покрытая золотой фольгой. Этот декор собирался с помощью маленьких золотых гвоздиков. Грабители сорвали с гроба все украшения, и, собрав золото, бросили деревянные детали на пол погребальной камеры, где они и были обнаружены вместе с обломками когда-то стоявшей там лаковой посуды – столика и чашек.

Украшения в виде ромбической сетки с четырехлепестковыми розетками были найдены почти на всех известных на сегодня гробах хунну. Их делали из бронзы и железа, а иногда даже из бересты. Истоки этой орнаментальной традиции уходят далеко в прошлое Китая. Орнамент в виде четырехлистника, известный в литературе как «плодоножка хурмы», появился еще в эпоху Чжоу, наибольшего же распространения достиг в эпоху Хань, когда с сакральных предметов он перекочевал на предметы повседневного пользования. Этим орнаментом украшали посуду, зеркала, фрески, черепицу, одежду. И в то же время он использовался в качестве украшения гроба – последнего «жилища» хунну. Так, например, на крышке гроба из погребения № 1 в провинции Хэнань, относящегося к эпохе Западная Хань, лаком изображены «трава и листья, плодоножки хурмы (четырелистник)» (Каогу, 2001).

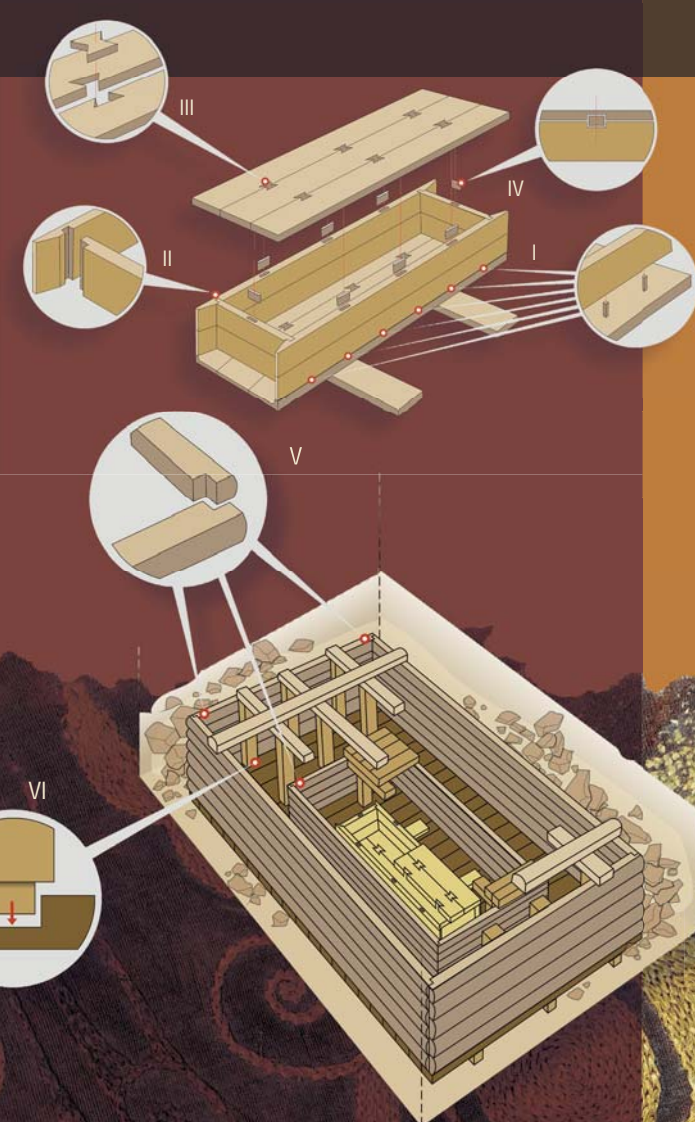
Анализируя суть этого популярного знака и проследив его эволюцию, китайский исследователь Лю Даогуан пришел к выводу, что его происхождение связано с формой

знака «хоу» (мишень). Стрельба по мишени являлась одним из важных ритуалов, проводимых Сыном неба (императором), в котором обычные люди не имели права участвовать. По мнению исследователя, этим и объясняется постепенная потеря первоначального значения и смысла орнамента и появление различных форм четырехлистника. Само упоминание «плодоножие хурмы» появилось только при династии Тан, когда никто уже не понимал смысла изображаемого знака (Даогуан, 2011). Смысл композиции, которой был украшен гроб из 22-го ноин-улинского кургана, состоит в том, чтобы сохранить тело покойного от воздействия враждебных потусторонних сил и способствовать его возрождению.

Шелковая ткань, покрывавшая гроб, скорее всего, представляла собой полотнище, сшитое из разных фрагментов. Шелк покрывал почти все известные на сегодняшний день гробы хунну – эта традиция использовать шелковые чехлы на гробах характерна уже для периода Западного Чжоу, при этом ткань часто расшивалась узорами. Внутри гроб был пуст. Казалось что, все, что осталось от богатого захоронения – тонкий тлен от подстилки да зерна проса, в котором затерялось несколько мелких золотых бляшек и фрагментов от золотых изделий. Но это было обманчивое впечатление. В нетронутых коридорах между внутренней и внешней погребальными камерами обнаружили вещи, необходимые погребенному в ином мире, – уникальные свидетели прожитой жизни и легендарной эпохи. В погребении за пределами внутренней камеры в восточном коридоре было также найдено несколько разрозненных костей погребенного, генетический анализ которых и позволил определить, что в 22-м кургане был похоронен мужчина (Пилипенко и др., 2013).

Хорошая сохранность гроба и погребальной камеры из 22-го ноин-улинского кургана позволила в деталях изучить их конструкцию. Доски гроба скреплялись внутренними шпильками, вставлявшимися в гнезда (I). Его короткие стенки входили четырехугольным зубцом в соответствующие им пазы длинных досок (II). Доски крышки гроба скреплялись между собой при помощи X-образных пазов на стыке досок (III); крышка имела четырехугольные зубцы для крепления в специальных пазах во всех четырех стенках гроба (IV). Стенки внутреннего и внешнего срубов погребальной камеры соединялись, по определению В. Мыльникова, так называемым жестким пазово-шиповым угловым сопряжением (V). А стойки внутри срубов зубцами крепились в соответствующих отверстиях в деревянном полу (VI).
Худ. В. Ковторов

Пальмира – это типичный караванный город древности в сердце сирийской пустыни, выросший из маленькой деревушки в оазисе рядом с серным источником. Во время правления римского императора Августа (31 г. до н. э.—14 г. н. э.) Пальмира сохраняла нейтралитет по отношению к двум огромным враждующим государствам, Парфии и Риму, что послужило основой ее расцвета как большого караванного города. Основные торговые пути через Пальмиру в начале I в. н. э. вели на восток, в Индию. В пальмирском некрополе – каменных башнях-мавзолеях знатных пальмирцев, были обнаружены ткани, преимущественно в виде длинных нарезанных полос, которые использовали для пеленания мумифицированных тел. Среди них есть как части однотонных римских туник и мантий, так и наиболее живописные фрагменты парфянской узорчатой одежды

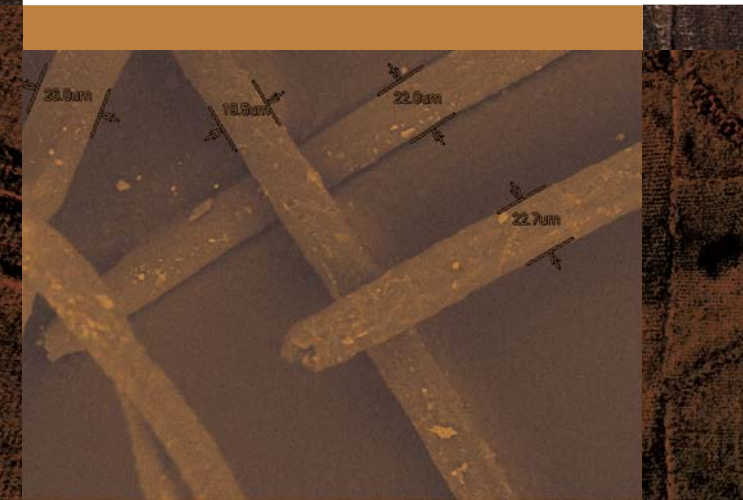
хоботных, обитающие на различных видах деревьев в большинстве районов Индии и Цейлона, а также в Бутане, Непале, Бирме, Лаосе, Камбодже, Вьетнаме, Таиланде и на юге Китая (Юньнань). В средиземноморском регионе этот лак был известен еще с античности: вместе с хлопчатобумажной тканью он поступал с северо-западного побережья Индии в Египет, а уже оттуда – в Восточное Средиземноморье. Шерстяные ткани, окрашенные лаккаиновой кислотой, были обнаружены в погребениях Пальмиры, одного из богатейших городов поздней античности, среди изделий, принадлежащих самым состоятельным слоям общества (Bohmer & Karadag, 2000).

В ханьском Китае для окраски шелковых тканей во все оттенки красного цвета использовались красители, получаемые из культивируемых видов растений (марены красильной и сафлора красильного); также был очень популярен минеральный краситель – киноварь, сульфид ртути (Лубо-Лесниченко, 1961). В китайских письменных источниках периодов Чжоу-Хань (1027 г. до н. э. – 220 г. н. э.), где содержатся обширные сведения об окраске тканей в древнем Китае, червецы не упоминаются. Не были обнаружены следы красящего вещества, полученного с помощью червецов, и в ходе специальных исследований шелковых ханьских тканей (Кононов, 1946; Bohmer & Karadag, 2000). В Китае лак начали использовать для окрашивания тканей гораздо позднее (соответствующие достоверные письменные свидетельства относятся к началу IV в. н. э.).

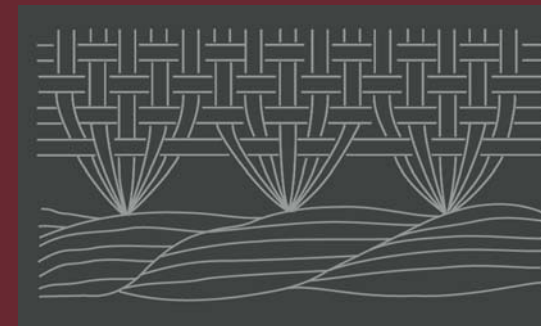
Проведенные в НИОХ СО РАН аналитические исследования коллекции текстиля из ноин-улинских курганов Монголии, полученной в ходе раскопок в 2006–2013 гг., а также хранящихся в Эрмитаже образцов тканей из раскопок экспедиции П. К. Козлова, показали, что большая часть наиболее качественных шерстяных тканей была окрашена с использованием именно лаккаиновой кислоты. Это служит дополнительным подтверждением того, что шерстяные ткани из ноин-улинских курганов хунну были изготовлены и окрашены далеко от Китая и центрально-азиатских степей. То есть в регионах, расположенных от северо-западной Индии, где было получено исходное красильное сырье, до Восточного Средиземноморья, где могла быть соткана сама ткань.

Для изготовления ткани использовалась высококачественная овечья шерсть с толщиной волокон около 21 мкм. Ткань до сих пор сохранила изначально присутствующие качества: легкость, эластичность, мягкость, тонкость и плотность. Нити основы – двойные, светло-коричневого цвета

Текстиль является для археологии уникальной находкой. И не только в силу своей редкости, но и потому, что в древности текстиль и сам процесс ткачества наделялись гораздо большим содержанием и значением, чем мы можем предполагать. В архаическом мышлении нередко весь мир представлялся полотном, в котором все людские жизни закреплены в заранее предопределенном узоре

TM-1000_1237 2013/04/16 11:37 L 100 um

Типичное окончание шерстяной ткани из Пальмиры – завершающий кордшнур, образовано подворачиванием оставшихся нитей основы в окончании текстильного полотна в виде рубчатого жгута слева направо (схема вверху). Каждый виток жгута образован несколькими нитями основы, причем на каждом новом витке к ним добавляются новые нити. Так как полотно имеет большую плотность по утку, нити основы в структуре полотна не видны, однако в окончании полотна они образуют жгутик более светлого цвета. Это создает ложное впечатление, что рубчик не связан с самим полотном. Жгутик на ткани изготавливался после снятия полотна со станка, когда остатки основных нитей были уже освобождены и ровно подрезаны. Сам жгутик безупречно ровный, несмотря на то что на разных участках полотна он мог формироваться из разного числа нитей. Такого результата можно достичь, если использовать недлинные нити (исследование специалиста по текстильным технологиям древности и средневековья д. и. н. Т. Н. Глушковой)

С помощью сканирующей электронной микроскопии фрагмента ноговиц удалось изучить волокна, из которых была выткана ткань. Оказалось, что это довольно тонкая беспримесная шерсть с толщиной волокон около 21 мкм. Фото Е. Карповой (НИОХ СО РАН, Новосибирск)

(натурального цвета исходного материала); нити утка – одинарные, красного цвета. Цветовые различия свидетельствуют, что окрашивалась не готовая ткань, а пряжа. Технологические особенности ткани заключаются в том, что число основных нитей меньше, чем уточных, так что основу практически невозможно рассмотреть. Этот способ тканья известен по хорошо изученным пальмирским материалам как *точно-настилочное полотняное переплетение*, с помощью которого можно изготовить особо прочные ткани (Stauffer, 2000).

Подобные ткани имели ряд технологических особенностей, образующихся в процессе ткачества. Так, начало и окончание полотна было оригинально зафиксировано: у верхнего и нижнего края полотна обрезанные нити основы вплетались (проводились) через так называемый *кордшнур* (Stauffer, 2000). Такие характерные особенности, известные нам по пальмирским тканям, были обнаружены и на фрагментах шерстяной ткани из 22 ноин-улинского кургана. На основе всех этих данных ее происхождение из средиземноморских ткацких мастерских уже не вызывает сомнений.

На своей «родине» куски этих тканей сами по себе являлись предметами одежды – туниками, покрывалами и мантиями. Сохранились они лишь благодаря тому, что в разрезанном виде использовались при мумификации знатных умерших в Пальмире и Дура-Европосе и вместе с ними помещены в гробницы, где и были обнаружены.

ГОБЕЛЕНОВАЯ «ЖИВОПИСЬ»

Наиболее интересная текстильная находка из 22-го ноин-улинского кургана – ткань с узором, выполненном в гобеленовой технике. Сохранилось два образца этого вида изделий: кромка длиной 80,7 см с прилегающей к ней неровно обрезанной частью текстильного полотна, а также очень ветхий фрагмент ткани, свернутый в трубку, прошитую несколькими большими небрежными стежками.

Первый образец представляет собой полотно, на котором техникой гобелена выткано пять полос чередующегося узора. На центральной полосе – изображения двух вьющихся стеблей плюща с пестрыми листьями, по обе стороны от нее – полосы с изображением узора «бегущей волны». Ближе к кромкам ткани расположено еще по одной орнаментальной полосе, на которых сохранились фрагменты изображений цветов или плодов.

Второй фрагмент оказался идентичен еще одной ноин-улинской находке, из Кондратьевского кургана (Руденко, 1962). На этом куске ткани также чередуются полоски орнамента в виде бегущей волны и полоски с изображением цветов (скорее всего, маков).

Оба найденных фрагмента великолепны по качеству и мастерству исполнения. Аналоги такой ткани есть среди находок в Пальмире, там же известны и многочисленные изображения одежды (так называемый пальмирский костюм), украшенной подобными полосами растительного узора. На востоке похожая ткань была обнаружена на северном отрезке Шелкового пути, в древнем оазисе Лоулань (на территории современного Синьцзяна).

Но при всем стилистическом сходстве орнаментации эти ткани нельзя назвать идентичными. Ткани из курганов Ноин-улы отличаются удивительной тонкостью исполнения узоров и мягкостью цветовых переходов, напоминающей живопись. По этим качествам найденные в ноин-улинских курганах ткани более всего близки к тканям из скифских гробниц Причерноморья, которые нам сегодня известны лишь по фотографиям и описаниям

На этих фрагментах шерстяного гобелена из 22-го ноин-улинского кургана отчетливо видны орнаменты, представляющие собой чередование узора двух вьющихся стеблей плюща с изображением «бегущей волны» (вверху). Внизу – увеличенный фрагмент этого гобелена. Реставратор М. Мороз (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск)

Шелком по шерсти

...То, что это были не просто разрозненные куски ткани, а настоящий предмет одежды – ноговицы*, стало понятно не сразу. Нитки швов, соединяющих тканевые куски и кусочки, истлели, и все изделие распалось на два больших и пять маленьких фрагментов. Как оказалось, одна из отдельных «штанин» была сшита из трех кусков, вторая – из четырех. Специалист по археологическому текстилю, д. и. н. Т. Н. Глушкова (Сургутский государственный педагогический университет) установила, что максимально возможная длина полотна ткани, из которой

Этот кусок гобеленовой ткани из 22-го ноин-улинского кургана, свернутый несколько раз и прошитый толстой ниткой, находился в очень плохом состоянии (вверху). Но после кропотливой работы реставратора Е. В. Карпеевой (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск) на ткани «расцвел» изящный орнамент в виде цветов мака (справа)

* Ноговицы – «несшитые» штаны, представляющие собой две длинные «штанины», надевающиеся по отдельности и закрепляющиеся на ремне, повязанном поверх верхней одежды

были выкроены ноговицы, составляла не менее 180 см, ширина – не менее 91 см; фрагменты полотен ноговиц были сшиты по долевой (основной) нити, что свидетельствует о хорошем знании мастерами характеристик текстильного полотна.

На каждой ноговице в верхней, наиболее высокой части находятся разрезы, через которые она крепилась (привязывалась) к поясу. Ткань в этих местах деформирована (вытянута по основе), что является следами носки; возможно, здесь находилась несохранившаяся драгоценная отделка. Ноговицы заканчивались пришитыми к ним и покрытыми расшитой шерстяной тканью войлочными сапожками, составлявшими со «штаниной» одно целое.

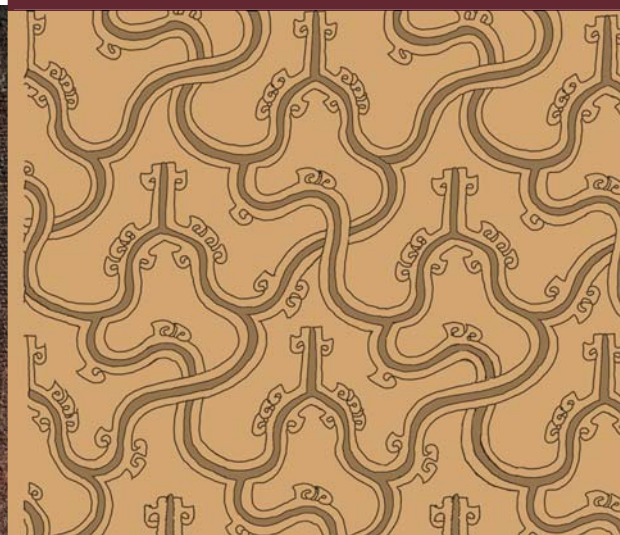
Такими предстали перед археологами ноговицы на дне погребальной камеры

Фрагменты орнамента, вышитого шелком на шерстяной ткани ноговиц из 22-го ноин-улинского кургана

Прорисовка орнамента, вероятно, представлявшего собой стилизованный горный пейзаж.
Выполнена Е. Шумаковой

Шерстяные ноговицы из погребения 22-го кургана после реставрации в развернутом и «собранном» виде.
Реставратор Е. Шумакова

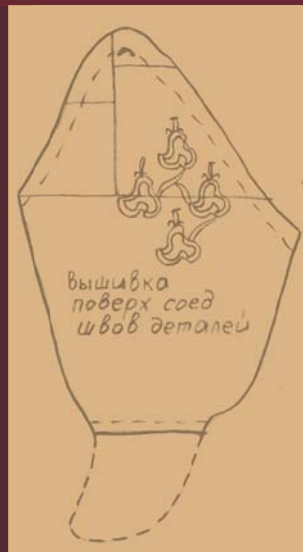

74

Ноговицы вместе с пришитыми к ним сапожками были обнаружены в погребении в виде разрозненных фрагментов. Но после работы реставраторов мы можем представить, как выглядело изделие в своем первоначальном виде.

На стр. 75 – ноговица и мягкий сапожок в развернутом виде. Схема кроя мягкого сапожка
Прорисовки Е. Шумаковой

Вышивка на шерстяной ткани ноговиц и сапожка выполнена одной из разновидностей тамбурного шва (в современной литературе известного как перистый шов), характерного для ханьской вышивки по шелку.
Прорисовка и схема Е. Шумаковой

Вышитый фрагмент шерстяной ткани, покрывавшей войлочный сапожок.
Прорисовка Е. Шумаковой

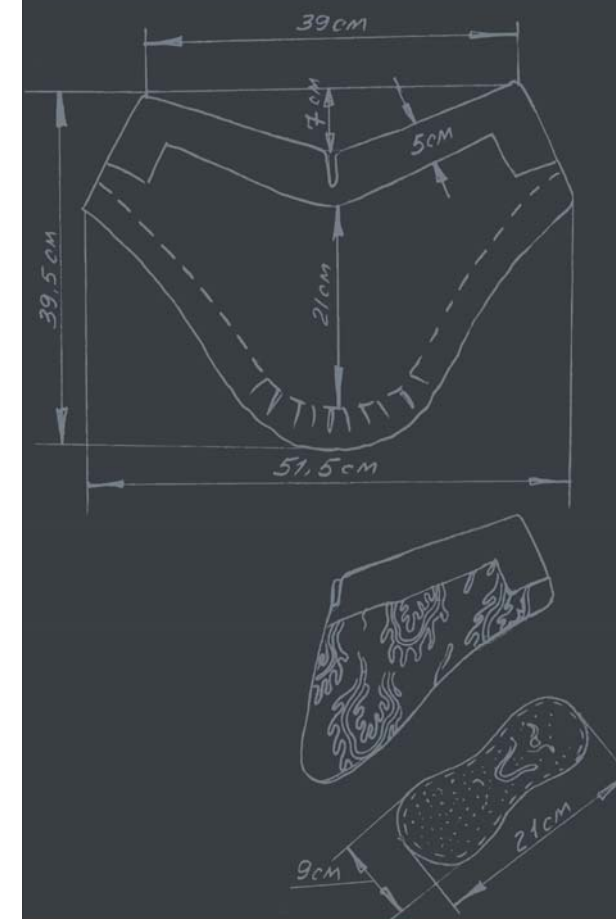

Реставраторам не составило большого труда правильно собрать все изделия. При этом выяснилась интересная деталь: вышивка шелком была сделана после того, как все выкроенные куски ткани были пришиты друг к другу. То есть вышивалась не сама ткань, а уже готовые изделия.

Хотя сами нитки, использованные для вышивания, почти полностью исчезли (истлели), на ткани остался ясный след всего вышитого узора. Небольшие фрагменты сохранившейся вышивки позволяют полностью восстановить весь орнамент. Аналогичный орнамент, выполненный нитями трех цветов — песочного и двумя оттенками коричневого, имеется на неокрашенной шелковой ткани, являющейся нижней частью покрытия обуви, обнаруженной в 24-м ноин-улинском кургане экспедицией П. К. Козлова. Сам орнамент, по мнению исследователей, представляет собой абстрактный и стилизованный горный пейзаж (Лубо-Лесниченко, 1961).

О чем могут рассказать фрагменты этого древнего текстильного изделия?

На одном куске ткани в прямом смысле осуществилось слияние двух культур для нужд третьей. В сирийской мастерской с ее давними традициями текстильного производства была выткана и окрашена с помощью индийского красителя превосходного качества шерстяная ткань. Затем вместе с другими такими же дорогими тканями она отправилась с торговыми караванами

Развертка верха сапожка, пришитого к ноговице, представляет собой кусок плотной, эластичной и тонкой шерстяной ткани полотняного переплетения, посаженной на войлок с помощью стежки шерстяными нитями. Ткань вышита шелковыми нитями одной из разновидностей тамбурного шва. Подметка сапожка имеет максимальную длину 19,5 см, ширину — 9 см. Основа подметки, обтянутой шерстяной тканью, сделана из бересты и войлока.
Реставратор О. Швец. Прорисовка Е. Шумаковой (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск)

В погребальном комплексе танского времени (середина VII в.), раскопанном в округе Сяньюань провинции Шаньси, была обнаружена глиняная фигурка всадника высотой 26 см. На ней хорошо видны ноговицы, крепящиеся к поясу, раскрашенные узором, копирующим тигровую шкуру. Полы меховой шубы также заправлены за пояс. В этом скульптурном изображении передан образ чужестранца, одетого в необычные для Китая костюмы.

Прорисовка Е. Шумаковой

риваемого периода времени, т. е. для начала I в. н. э., является явлением уникальным.

Тот, для кого были сшиты эти ноговицы, успел изрядно поносить их, прежде чем отправился в мир иной. Об этом свидетельствует и заношенная подошва обуви, пришитой к «штанинам», и сама заворсившаяся ткань, ставшая похожей на тонкое сукно. Ноговицы пострадали и от грабителей. Судя по всему, их просто стащили с лежавшего в гробу тела погребенного мужчины и бросили рядом, на покрытый войлочным ковром пол деревянной погребальной камеры, где их и обнаружили исследователи две тысячи лет спустя

Штаны – одежда «варвара»

Для чего же служил и как носили хунну этот непривычный для нас вид одежды? Вероятно, ноговицы надевались поверх простых (не орнаментированных) шелковых или шерстяных шаровар. Нарядные, они служили скорее, украшением, нежели защитой от грязи и холода.

Такие же ноговицы, но только сшитые из узорного китайского шелка, были найдены в 6-м ноин-улинском кургане экспедицией П. К. Козлова. У тех «штанин» имеется подкладка из красного шелка без рисунка, к ним пришита войлочная обувь с коротким голенищем. Длина этих ноговиц от пояса до пятки составляет около 1 м при ширине в 0,5 м. «Шелковый вариант» из 6-го ноин-улинского кургана подчеркивает декоративный характер этой части костюма: такие широкие легкие «штанины» не могут защитить или согреть, но, будучи надеты поверх шерстяных шаровар, безусловно, добавляют «красоты». Возможно, эту часть костюма носили только всадники, поскольку для пешего ноговицы вместе с пришитыми к ним мягкими сапожками были, в общем-то, не очень удобны.

Нужно отметить, что с древности штаны были типичной одеждой кочевников, более того, в античной литературе служили одним из главных признаков «варваров» (Рикман, 1986). Китайцы переняли эту часть костюма довольно рано, поскольку на севере они всегда имели контакты с кочевыми племенами. Уже при чжоуском императоре Улин-ване в китайскую армию пришел варварский костюм всадника, главной необычной частью которого и были штаны. При дворе прошла даже настоящая дискуссия по поводу того, стоит или нет принимать одежду варваров. Сам император говорил: «Я не сомневаюсь, что заимствование варварской одежды необходимо, но боюсь, что Поднебесная будет смеяться надо мной» (известно из: Сыма Цянь «Исторические записки»).

Но воля императора и целесообразность одержали верх, и штаны стали неотъемлемой деталью экипировки китайского всадника. Судя по находкам в ноин-улинских курганах, и хунну, и китайцы Западной Хань носили одинаковые штаны и ноговицы.

Что касается ноговиц, то эту одежду в виде несшитых штанин, прикрепленных к поясу, исследователи костюма ставят в начало «эволюционного ряда» штанов, поскольку находят следы бытования этих изделий в самых разных культурах и регионах (Морозова, 1989; Лобачева, 1989).

Так, судя по изделию из коллекции Государственного этнографического музея (Санкт-Петербург), подобные «штаны» имелись у азербайджанок еще в конце XIX в. «Этнографические материалы из Средней Азии» – образцы детских штанов в виде несшитых ноговиц, а также сам тюркский термин для штанов – «аяктон» (ножная одежда), могут свидетельствовать о том, что шаровары из двух несшитых штанин, возможно, еще не так давно но-

в далекий Китай, где эти столь высоко ценившиеся при ханьском дворе товары должны были быть обменены на китайские шелка, уже хорошо известные на средиземноморских рынках.

Длинными и опасными дорогами, через пустыни и горные перевалы товар, переходящий из рук в руки, наконец достигал г. Чанъань, бывшего до 25 г. н. э. столицей Западной Хань. Конечно, если до этого караван где-нибудь в Западном крае (современная территория Синьцзяна) не был перехвачен хунну, контролировавшим этот отрезок Шелкового пути, или препровожден к ним в качестве законной добычи.

Так или иначе, но прекрасная шерстяная ткань была использована по назначению – из нее сшили оригинального фасона ноговицы. Что-то, наверное, надежные швы, сделанные грубыми двойными шерстяными нитками, подсказывает, что это случилось не в ханьских дворцовых мастерских, а в ставке хуннского предводителя – шаньюя. Их явно кроила и шила какая-то местная умелица, возможно, по образцу. А вот вышивку делала китайка: такой сложный, типично ханьский узор, воспроизведенный по шаблону, и так безупречно могла вышить только мастерица со стажем, для которой вышивка разноцветным шелком – привычная с детства работа. Кстати сказать, сама вышивка шелком по шерстяной ткани для рассмат-

На серебряном сасанидском блюде из коллекции Государственного Эрмитажа, датированном первой половиной VII в., изображена охота царя на тигра. На царе надеты узкие складчатые штаны, поверх которых видна пристегивающаяся над коленом штанина из более плотной ткани с тигровым узором. Прорисовка Е. Шумаковой

Остатки роскошной одежды степного вождя: фрагменты полы шелкового халата из полихромной ткани с отделкой из меха соболя (вверху) и шубы, декорированной соболиными хвостиками и мелкими серебряными бляшками (справа).
Реставратор Е. Карпеева (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск)

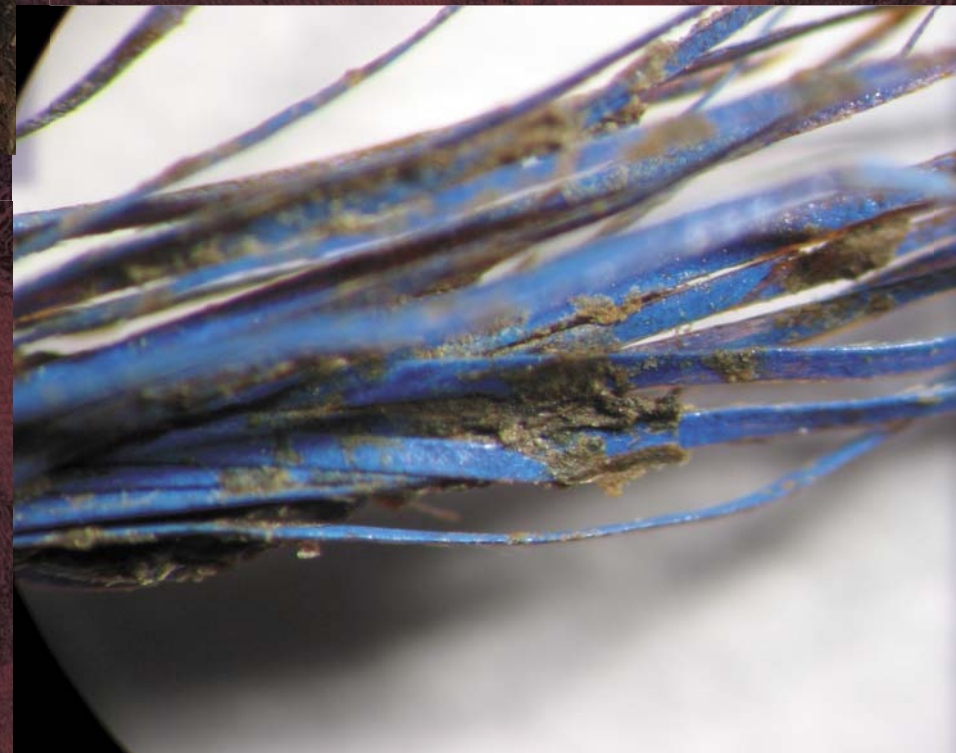

Эта шелковая ткань украшена перьями зимородка, собранными в кисточки с помощью золотой фольги. Бирюзовые перья зимородка в танскую эпоху доставляли из отдаленной западной части Гуандуна и из Аннама (северной и частично центральной части Вьетнама) (Шефер, 1981).
Слева внизу – перья зимородка. Фото Л. Кундо (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск).
Справа внизу – зимородок обыкновенный. Рисунок Е. Шумаковой. По: (Бёме, Бёме, Кузнецов, 2009)

силы и в этом регионе. Штаны-ноговицы присутствуют и в детском и взрослом традиционном костюме нанайцев (Лобачева, 1989).

Возможно, поясная одежда древних китайцев, обозначаемая термином «ку», также представляла собой отдельно надевающиеся штанины. После находки в 6-м ноин-улинском кургане шелковых ноговиц эта идея, похоже, нашла материальное подтверждение. Во всяком случае, так считали исследователи китайского костюма Л. П. и В. Л. Сычевы: по их мнению, найденные в кургане ноговицы имели явно китайское происхождение. Более того, отдельные штанины, изготовленные из ткани, подбитой ватой, и крепящиеся к поясу при помощи тесемок (современное название «таоку», буквально – чехол на штаны), еще в конце прошлого века носили в Китае в холодное время поверх стеганых штанов для утепления (Сычев Л. П., Сычев В. Л., 1975).

Отдельно надеваемые несшитые штанины, в древности по-видимому, были наиболее характерны для иранских народов – персов, скифов и, возможно, некоторых сарматских племен. Этот тезис как будто подтверждается некоторыми изобразительными источниками и письменными свидетельствами (Равдоникас, 1990). Наиболее похожими на «хуннские» ноговицы выглядят штаны на изображениях сасанидских всадников. Любопытно, что в одном из китайских погребальных комплексов в провинции Шаньси, относящихся примерно к тому же времени (первой половине VII в., эпохе Тан), были обнаружены три глиняные фигурки всадников, чья экипировка, значительно отличающаяся

В грабительском лазе 22-го ноин-улинского кургана был обнаружен фрагмент лаковой сетки и шелковой ткани от головного убора «гуань». Этот предмет, найденный в погребении кочевника-хунну, служил в Китае признаком этнической принадлежности и «цивилизованности». На ханьских рельефах можно встретить изображения китайских чиновников в подобных головных уборах (вверху справа).

Фото Л. Кундо. Прорисовка Е. Шумаковой

Черепашковая головная шпилька из 22-го- ноин-улинского кургана

от китайского костюма, включает в себя и отдельные штанины, пристегнутые к поясу. И у сасанидского царя, и у всадников эти ноговицы покрыты узором, имитирующим шкуру тигра.

Гардероб степного вождя

У мужчины, погребенного в 22-м кургане, из всего набора одежды целыми оказались только ноговицы, от остального остались только фрагменты. Но то, что сохранилось, позволяет реконструировать почти весь его богатый костюм. Прежде всего, это халат на шелковой вате, сшитый из одноцветного шелка, и еще один – из красной шелковой полихромной ткани с опушкой из собольего меха. Затем – соболья шуба, от которой остались только фрагменты меха, так как мездра не сохранилась. В Китае шелковые халаты надевались, кстати, поверх шуб – вероятно, так же носили эти вещи и знатные хунну.

Любопытным украшением шелковой одежды оказались бирюзовые перья зимородка, собранные в маленькие пучки, перевязанные золотой фольгой. Известно, что с древних времен в Китае перья этой птицы использовались в убранстве человека и его жилья: ими украшали одежду, ювелирные изделия, пологи и навесы.

Для эпохи Хань этот элемент украшения одежды был тесно связан с даосской символикой – «полностью оперившегося» даоса, т. е. бессмертного. Судя по письменным источникам, у даосов даже существовала настоящая одежда из перьев (Шефер, 1981). Перьями украшали одежду аристократы. Появление у хунну шелковой одежды, украшенной «букетиками» ярких перьев зимородка, свидетельствует, что актуальная китайская мода проникала в Степь, и хуннские вожди получали «модные» изделия, доступные лишь ограниченному кругу китайской знати.

Обнаруженные в погребении тончайшие решетки из лака черного цвета, внутри которых находились шелковые нити, оказались фрагментами *гуань* – головного убора, который изготавливался из пропитанной лаком конопляной или шелковой ткани. Этот головной убор служил признаком этнической принадлежности и «цивилизованности» (Кравцова, 2004). В китайских источниках упоминается девятнадцать разных видов *гуань*. Самый ранний покрытый лаком газовый *гуань* был обнаружен в Китае в могильнике Мавандуй (Wang Shujin, 2008).

Этот головной убор, остатки которого вместе с набором черепашковых шпилек были обнаружены в 22 ноин-улинском кургане, вероятно, был пожалован шаньюю

В погребении 22-го ноин-улинского кургана обнаружен фрагмент шелковой ткани с вытканым узором, некогда бывший частью двухслойного шелкового халата. Узор изображает китайского «святого» – крылатого бессмертного сянь верхом на крылатой лошади, мчащегося в летящем галопе среди так называемых «облачных лент», характерного орнамента эпохи Хань, символизирующего небеса. Сохранилось и несколько иероглифов вытканной на ткани благожелательной надписи (полностью подобную надпись можно увидеть на фрагменте аналогичного шелка из ноин-улинского кургана, исследованного экспедицией П. К. Козлова). Надпись может быть истолкована следующим образом: «Пусть вы будете новым святым Гуан Чэном* и будете иметь долголетие в десять тысяч лет» (Лубо-Лесниченко, 1961, с. 48)

китайским императором. В Степи такое украшение было совершенно бесполезно, но, наверное, престижно, почему и попало в ряды других столь же бесполезных подарков ханьского двора (таких, как церемониальный зонтик) в погребение знатного хунну.

Таким образом, благодаря китайским подаркам, среди которых были не только ткани, но и готовые изделия, хуннская знать одевалась довольно своеобразно, сочетая привычный для всадника комплект штанов с китайски-

* Гуан Чэн – небожитель, мифический философ и мудрец древности.

Простой орнамент на этой золотой нашивной бляшке (слева), выполненный в китайских традициях, близок к узорам на черепичных декоративных дисках, закреплявшихся по фасаду крыш богатых домов в эпоху Хань (справа). Прорисовка Е. Шумаковой

ми халатами, а иногда и с головными уборами. Создавался своеобразный эклектичный стиль в одежде, который подчеркивался украшениями.

Представить, как выглядел этот костюм в полном объеме мы не можем, но наличие мелких золотых бляшек с отверстиями, украшенных орнаментами в китайском стиле, служит доказательством, что костюм погребенного, согласно степной «варварской» традиции, был густо расшит золотом. Пряжки покрывало тончайшее ажурное золотое покрытие, из золота и серебра делались наконечники узких ремней. Для вставок в золотые украшения использовалась бирюза, среди украшений были также бусы из янтаря и кристаллов пирита, подвески из агата и нефрита

Судя по количеству шелковых тканей высокого качества, фрагментам уникальных лаковых предметов, таких как столик на фигурных ножках и церемониальный китайский зонтик, серебряным украшениям конской упряжи с изображениями единорогов, остаткам китайской колесницы и множеству других ценных предметов, мужчина, похороненный в 22-м ноин-улинском кургане, относился к высшей прослойке хуннской знати. К той знати, которая в изобилии пользовалась всеми выгодами от контролируемого хунну участка Шелкового пути и, соответственно, всеми дарами ханьского двора, достигшими в тот период времени своего пика.

Одежда во все времена являлась важнейшим этническим показателем, объединяя людей одной общности. И костюм степных кочевников должен был разительно отличаться от того, который носили земледельцы среднекитайской равнины. Но если о внешнем виде и «гардеробе» китайцев эпохи Хань известно довольно много благодаря письменным, изобразительным и даже археологическим источникам, то костюм хунну так и остается загадкой.

Имеется очень мало письменных свидетельств современников о внешнем виде хунну. Ханьцы характеризовали кочевников в таких выражениях: «Варвары корыстны и стремятся к выгоде, ходят с неуложенными волосами и запахируют полу одежды на левую сторону, имеют лицо человека и сердце дикого зверя...» («Материалы по истории...», 1989, с. 14).

Из подобных текстов трудно понять, как же в действительности выглядели кочевники-хунну. Очевидно только, что их костюм претерпевал большие изменения на протяжении всей долгой истории их соседства с китайцами.

Бусины из кристаллов пирита с просверленными отверстиями, обнаруженные в 22 ноин-улинском кургане

Золотые украшения, обнаруженные в погребении, свидетельствуют о богатстве костюма, украшенного в «варварском» стиле большим количеством мелких пришивных бляшек

Покрытие этой поясной пряжки изготовлено из золотой фольги, украшенной чешуйчатым орнаментом. Судя по результатам макросъемки (слева), узор был нанесен с помощью штампа. Фото Л. Кундо
Золотая петля – деталь богатого пояса

Известно, что ношение халатов на китайский манер было законодательно введено только в 494 г. сяньбийским правителем Тоба Хунем (сяньбийцы – кочевой народ, пришедший на смену хунну) (Крюков, Малявин, Софронов, 1987). Сами же халаты задолго до этого уже носили кочевники. Так, в 6-м ноин-улинском кургане были найдены два целых шелковых кафтана и остатки третьего, а также шелковые шаровары и ноговицы (Руденко, 1962), фрагменты халатов были обнаружены и в 22-м кургане. В свое время китаец Чжунхан Юэ, бывший советником при хуннском правителе Лаошане, предостерегал последнего от последствий пристрастия к китайской роскоши и особенно к одежде. «Ныне вы, шаньюй, изменяя обычаям, проявляете любовь к ханьским изделиям, но если только две десятых ханьских изделий попадут к сюнну, то все сюнну признают над собой власть Хань. Если в шелковых тканях и шелковой вате, которые сюнну получают от Хань, пробежать по колючей траве, то верхняя одежда и штаны порвутся;

Основная часть нефритовых изделий из 22-го ноин-улинского кургана – это хорошо отполированные с двух сторон пластины с несколькими отверстиями для пришивания, служившие украшением одежды. С глубокой древности нефрит, который называли «семенем дракона», был в Китае наиболее ценным камнем. В одежды из нефритовых пластин одевали перед погребением ханьских императоров. Возможно, не до конца обработанные куски нефрита, также найденные в кургане, использовали для того, чтобы закрывать «девять отверстий» на теле умершего, согласно ханьской традиции сохраняя его для возрождения

покажите этим, что такая одежда не так прочна и хороша, как шубы из войлока...» (Сыма Цянь, л. 15-б-16-ф, цит. по: Материалы по истории..., 1989).

Но, как мы видим по археологическим материалам, этот призыв не был услышан...

Литература

Кононов В. Н. Технологическая характеристика тканей из могил Ильмовой пади // СА, 1946. Т. VIII. С. 69–72.

Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М.: Наука. 1987. 308 с.

Лобачева Н. П. О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1989. С. 5–39

Лубо-Лесниченко Е. И. Древние шелковые китайские ткани и вышивки 5 в. до н. э. – 3 в. н. э. в собрании Государственного Эрмитажа (каталог). Л.: Изд-во ГЭ, 1961. 67 с.

Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Выпуск 1. Сюнну. М.: Наука, 1989. 285 с. Пер. с кит. Предисловие и комментарии В. С. Таскина.

Морозова А. Г. Традиционная народная одежда туркмен // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука. 1989. С. 39–90.

Пилипенко А. С., Полосьмак Н. В., Трапезов Р. О. Молекулярно-генетические исследования останков представителей высшей знати хунну из могильника Ноин-Ула // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск: Изд-во Ин-та Археологии и Этнографии СО РАН, 2013. С. 559–563.

Равдоникас Т. Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (античность и средневековье). Л.: Наука. 1990. 138 с.

Руденко С. И. Культура хунну и ноин-улинские курганы. М., Л.: Издательство АН СССР, 1962. 203 с.

Сычев Л. П., Сычев В. Л. Китайский костюм. Символика. История. Трактровка в литературе и искусстве. М., 1975. 133 с.

Шефер Э. Золотые персики Самарканда. М., 1981. 587 с.
Bohmer H., Karadag R. Farbanalytische untersuchungen // Schmidt-Colinet A., Stauffer A., Khaled Al-As Ad. Dit textilien aus Palmyra. Verlag Philipp von Zabern. Mainz am Rhein. 2000. P. 83–87

Stauffer A. Material und technir // Schmidt-Colinet A., Stauffer A., Khaled Al-As Ad. Dit textilien aus Palmyra. Verlag Philipp von Zabern. Mainz am Rhein. 2000. P. 8–32.

Wang Shujin Brilliant culture of dress and ornament at Mawangdui // Noble Tombs at Mawangdui. Yuelu Publishing House. 2008. P. 72–86.

Серебряная бляха с изображением единорога – украшение конской упряжи, найденное в 22-м ноин-улинском кургане. Реставратор Г. Ревуцкая (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск)

